

Заметки писателя

СЛАВЛЮ ВРЕМЯ!

С годами замечаешь: праздники даны нам не для бездумной радости, не для простодушного ликования. Праздники, юбилеи, наши даты: они и напоминают о том, что пройдено и для чего пройдено, поневоле задумываешься, все ли сделал, что мог, и чаще всего остаешься не слишком доволен. Здесь почти всегда обостренно чувствуется слитность твоей жизни с жизнью всей страны, и разговор уже не о том, многое ли сделал, а о том, какую пользу принесли делами своими, и чем значительнее праздник, тем крупнее предъявляемый себе же счет.

65-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции — в юбилейный, шестидесятый год со дня образования СССР. Эти две тесно связанные друг с другом даты отмечает сегодня наша страна. Значение их огромно, и не только для нас, для всего человечества.

Для истории 60 лет — миг, для человека — жизнь. А мне уже порядочно за 60. С девятилетнего возраста и по сей день я — не просто свидетель, а, как и каждый, участник истории СССР.

Если жизнь человеческую измерять событиями, то для автора такое служащее мерилom событие — книга. Да что книга! Для меня каждое стихотворение — событие. Все равно, что написал повесть или даже роман. Дело же не во времени, необходимом для написания того или иного сочинения, а в том, сколько вбирает это сочинение из времени, в котором ты живешь, из воздуха, которым дышишь, из жизни, твоей жизни, из твоей судьбы. Помните у Маяковского? «Я сам расскажу о времени и о себе». Так он соединил время и поэзию. Поэзия не может жить вне времени. Более того, поэзия соединяет века, земли и народы, прошлое, сегодняшнее и будущее человечества. Так было всегда, а в наш двадцатый век чувство времени в поэзии обострилось.

Для поэта говорить о себе — значит говорить о времени.

Потому что судьба поэта неразрывно связана с судьбой его родины, его народа, его современников. Оглянись на прожитую жизнь, перечитай свои строки о ней — и увидишь то общее, всенародное, главное, что осталось в истории, в судьбах и в стихах:

...Узнал я и боль,
и усталость,
Я был молодым и седым,
Но то, что святым мне
казалось,
Не зря мне казалось святым...

Я в мрак погружался
могильный,
Я замертво падал в траву,
А все же, упрямый,
стойкий,
Живу я на свете, живу!

Разве это только обо мне? Это о тысячах и тысячах моих современников. И так же, что бы ни поведал поэт читателям о своей судьбе, о своих переживаниях, в их сердцах их же откровением отзвучат его слова. Это и удивительно, и очень радостно. И в этом счастье поэта. А еще большее счастье в том, как близко к сердцу воспринимают они слова о Родине:

И где бы ни жил я,
И что бы ни делал,
Пред Родиной вечно в долгу.
Великую землю,
Любимую землю
Я в сердце своем берегу.

Слитность с мыслями и чаяниями народа — самая высокая награда за поэтический труд.

У каждого поэта — своя почва и своя судьба. Не бывает поэта вне времени, но и не бывает поэта без собственной почвы, без собственной судьбы. Помните у Пастернака: «...И тут кончается искусство, и дышит почва и судьба». Я родился в Одессе, но моей почвой и судьбой был город Николаев, где я провел детство и юность, где написал первые стихи, судостроительный завод, который сейчас называется Черноморским, где я работал в меднокопальном цехе. Мы делали вентиляционные трубы для строящихся кораблей — сначала в цехе, а потом в доке, на корабле подгоняли и скрепляли трубы. Вентиляционные трубы — дыхание корабля. Это стало и моим дыханием, стало жизнью, входящей в мои стихи.

Есть у меня второй родной город — Ярославль, где я остался жить после действительной службы в армии, где за год до войны вышла первая книжка моих стихотворений, город, из которого я ушел на войну. Война — моя новая школа. Горькая, жестокая школа. Тут я в полной мере узнал цену верности и долга, усвоил: когда жизнь твоя становится поэзией, она делается нужной людям. Без этого твердого ощущения необходимости людям, мне кажется, не стоит жить в литературе.

Я был сапером на войне —
И не ошибся я ни разу.
Иначе мне... Иначе мне
Не написать бы эту фразу!
Я полз среди лозушек-мин,
За мною вслед ползла пехота.
Неосторожный шаг один —
И...
Умирать кому охота!

Я воевал — и писал стихи. Я жил, как все, но был безмерно счастливее тем, что доставлял радость людям, воевавшим рядом со мной бойцам 243-й стрелковой дивизии, радость своими стихами, в которых были фронтовые будни, эти бесконечно трудные солдатские будни войны, и ненависть к врагу, и вера в близкий час расплаты, и воля к победе... Да разве не пережили то же сотни и сотни тысяч наших бойцов?

Есть у меня и третий родной город — Москва. Еще до войны по путевке николаевского завода я приехал в Москву учиться в Институте журналистики. В Москве я осуществил свою давнюю мечту: познакомился с Багрицким. В Москве были посвящения строки стихотворения, написанного мною по дороге из Ярославля на фронт:

Я по свету немало хаживал,
Жил в землянках,
в окопах, тайге,
Похоронен был дважды
заживо,
Знал разлуку, любил в тоске.
Но Московью прivityк
я гордиться
И везде повторял я слова:
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

Это было поздней осенью сорок первого года. В Москве машина с подарками ярославцев своим землякам, сражавшимся на Калининском фронте, остановилась на полчаса, и я пошел в редакцию журнала «Новый мир», где и оставил блокнотный листок со стихотворением. Оно было напечатано в декабре, в двенадцатом номере журнала. Но прежде чем увидеть стихотворение напечатанным, я услышал его по радио как песню:

Мы запомним суровую осень,
Скрежет танков и отблеск
штыков.
И в сердцах будут жить
двадцать восемь
Самых смелых твоих сынов.
И врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась твоя голова,
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

Никогда не думал, что такие личные строки будут петь другие. Но песня догнала меня на фронтовой дороге, я слышал, как в Берлине в мае 1945 года наши солдаты пели ее. И чувство при этом было удивительное.

Конечно, биография — еще не поэзия, но поэзия — это биография, это жизнь. Твой голос, твой жест, твое сердце, твое время, твой мир, твоя жизнь, нужная людям. А чтобы было так, поэт не должен отставать от времени, он должен жить се-

годняшним днем страны. И потому часто, как только можно, я улетаю из Москвы. На Крайний Север, в Воркуту, в Норильск, к Печоре и Енисею, еду по Байкало - Амурской дороге, живу горячими буднями Тынды. Позади — города. Впереди — города. Я люблю приезжать в новый город, где мир поворачивается к тебе незнакомой стороной, где возникает новые мысли и ощущения, где остаются новые друзья, где остается твоя молодость.

С каждой вставшей на место заклепкой, с каждым спущенным со ступеней судном мы чувствовали, как становится сильнее и богаче наша страна. Мы любили ее особой, обостренной любовью соиздателей.

А потом мы защищали то, что было нами же создано, и снова были обостренной горечью поражений и радость побед. И шли на смерть, и погибали не ради славы — ради жизни, к которой стремились сами когда-то и какую желали будущим поколениям.

И вот наша мечта сбылась. Огромная, свободная и сильная Родина, ее богатства и просторы, ее народы, славные древними культурами и современными достижениями науки, техники, строительства, ее умудренный опытом специалисты и жадущая подвиги молодежь — все у нас есть. Самые огромные задачи, знаем, будут выполнены, самые небывалые подвиги — осуществлены. Поручкой тому — 60 лет, прожитые, как единый подвиг, многомиллионным советским народом.

Тем важнее задача поэтов — в нескончаемой чередой свершений воспевать главное, что движет нашу историю — любовь к Родине и труд, труд на благо ее. И смотреть на жизнь молодыми глазами. Поэт, пока он дышит, пока он ходит по земле, в долгу перед поэзией, перед самим собой, перед страной и каждым ее днем, каждым уголком, каждым ее гражданином.

Сквозь ветры беспоконья
Шли наши годы стройные,
Шли наши души светлые.
Мы презирали трудности,
Не признавали холода,
Не замечали юности,
Пока мы были молоды.
Пути, вперед летящие,
Вбирали сердцем любящим.
Шли в бой за настоящее,
А сами жили будущим.
Пора первоначальная,
Заря с зарей встречается,
И наша юность дальняя
Сегодня продолжается.

Марк ЛИСЯНСКИЙ.